

Милтон Фридман

Капитализм и свобода

INLIBERTY

Милтон Фридман
Капитализм и свобода
Серия «Библиотека свободы»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21852996

Капитализм и свобода / Пер. с англ.: Новое издательство; Москва;

2016

ISBN 978-5-98379-208-1

Аннотация

Как должны быть устроены институты свободного общества – финансы, образование, социальная помощь, армия, налоговая система и многое другое? Книга нобелевского лауреата Милтона Фридмана «Капитализм и свобода» – один из самых популярных и влиятельных либеральных манифестов послевоенной эпохи, переложивший абстрактные идеалы свободы на язык практической политики.

Содержание

Предисловие к русскому изданию 2006 года	5
Предисловие к изданию 2002 года	9
Предисловие к изданию 1982 года	14
Предисловие	21
Введение	25
Глава I	35
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Милтон Фридман

Капитализм и свобода

© 1962, 1982 by The University of Chicago. All rights reserved

© Новое издательство, 2016

* * *

Предисловие к русскому изданию 2006 года

Мы с женой были в России только однажды – осенью 1962 года, когда англоязычная версия этой книги была впервые напечатана в Соединенных Штатах. В то же время при советском режиме нельзя было и думать о легальной русской версии, хотя позже я узнал, что какие-то самиздатские переводы ходили по рукам.

Более подробно мы описали нашу трехнедельную поездку в наших мемуарах¹. Вот несколько отрывков, которые все, как нарочно, были написаны моей женой Роуз.

Сельская местность, которую мы видели по пути из Варшавы в Москву [мы ехали из Варшавы в Москву на туристическом автобусе – это отдельная история], мало изменилась по сравнению с описаниями 50-100-летней давности. Тот же деревенский колодец и телеги, запряженные лошадьми, преобладание женщин, гнувшихся в три погибели на полевых работах, и почти полное отсутствие механизированного оборудования. Деревни в основном погружены в темноту; только в редких сельсоветах горит свет...

¹ *Friedman M., Friedman R.D. Two Lucky People: Memoirs. Chicago: University of Chicago Press, 1998. P 282–290.*

В Москве нас поразило государственное богатство посреди людской нищеты. Люди, торопливо шедшие по улицам, были бедно одеты. Витрины были однообразны, а товары жутко дорогие – оценивать ли их в долларах по официальному курсу или в рублях относительно среднего дохода. Было построено много жилых домов, но, судя по нашему личному опыту, приобретенному в недавно возведенных гостиницах в Минске и Смоленске, качество жилья было невероятно низким.

С другой стороны, новый Дворец Советов в Кремле представлял собой великолепное современное здание из алюминия и стекла и столь же великолепным оказался Дворец пионеров, предназначенный для внешкольных занятий подростков. Как мы заметили, подростков, которые занимались во дворце, привозили туда в первоклассных автомобилях с шоферами. Опера, балет, кукольный театр – все было прекрасно. Все было для привилегированных...

Мы приехали в Советский Союз исключительно в качестве туристов. Однако советские экономисты, которых мы принимали в Чикаго, уговаривали нас увидеть своими глазами, что такое Советский Союз, давая понять, что они будут готовы нам все показать. По нашей просьбе гид из «Интуриста» позвонил некоторым из этих экономистов. Один из них сказался больным, других, как выяснилось, в этот момент не было в городе, третьи не могли заняться нами по каким-то иным причинам.

Я [Роуз] резюмировала наши впечатления от Советского Союза в журнале *Oriental Economist* в октябре 1976 года, когда воспоминания еще были свежи: «Трудно выразить словами угнетающее чувство, охватившее нас во время поездки в Советский Союз. Не было ничего конкретного, чему мы могли бы приписать свой страх. Атмосфера была такой, что казалось, будто за нами постоянно следят. Вездесущие громкоговорители, торчащие в каждом гостиничном номере; ощущение, что можно пойти только в определенные места, причем пойти только вместе с тем или иным гидом из „Интуриста“... Обычные люди, с которыми мы иногда стеснивались и пытались поговорить, казалось, боялись разговаривать с иностранцами и все время оглядывались, чтобы посмотреть, кто нас слушает».

В нас вселяло надежду дружелюбие тех, с кем мы встречались, – оно особенно проявлялось, когда мы говорили, что мы американцы. Судя по их вопросам, советская пропаганда убедила людей, что американцы хотят начать войну. Почти все, с кем мы разговаривали, выражали большое беспокойство в связи с войной и настаивали, чтобы мы передали дома, что советские люди не хотят войны с Америкой. С другой стороны, пропаганда не сумела вселить в них убеждение насчет низкого уровня жизни американцев. Люди, с которыми мы встречались, всегда интересовались, насколько хорошо живут американцы. Они никогда не спрашивали, есть ли у нас дом, а – сколько у нас домов. Или: сколько у нас машин?

Благодаря нашему бывшему опыту я еще больше рад, что «Капитализм и свобода» выходит наконец в России и будет доступна людям, которые больше, чем иные, могут оценить взаимосвязь между человеческой свободой и капитализмом. Сущность капитализма – частная собственность, и она является источником человеческой свободы. То, что принадлежит всем, не принадлежит никому. Тем, чем надежно владеет один, могут воспользоваться для удовлетворения своих нужд другие с помощью добровольной кооперации – а это сущность свободы.

Многие детали, обсуждающиеся в этой книге, устарели и уже не имеют значения. Однако основные принципы сохраняют свою ценность и актуальность для решения проблем, с которыми сталкиваются страны распавшегося Советского Союза при строительстве свободного и процветающего общества.

Сан-Франциско, Калифорния 25 октября 2005 года

Предисловие к изданию 2002 года

В предисловии к изданию этой книги, вышедшему в 1982 году, я описал кардинальное изменение общественного мнения, выразившееся в том, насколько по-разному были восприняты «Капитализм и свобода», впервые опубликованная в 1962 году, и другая книга, которую я также написал вместе со своей женой, – «Свобода выбирать» (Free to Choose), трактующая предметы в том же философском ключе, но вышедшая впервые в 1980-м. Общественное мнение менялось по мере того и отчасти из-за того, как расширялась роль государства и правительства под влиянием идеи государства всеобщего благосостояния и кейнсианских взглядов. В 1965 году, когда я читал лекции, которые моя жена помогла мне оформить в книгу, государственные расходы в США – на федеральном уровне, на уровне штатов и на местном уровне – составляли 26 % национального дохода. Большая часть расходов шла на оборону. Невоенные расходы составили 12 % национального дохода. Через четверть века, в 1982 году, когда вышло новое издание книги, общий объем государственных расходов вырос до 89 % национального дохода, а невоенная доля возросла более чем вдвое, составив 81 % национального дохода.

Изменение общественного мнения принесло свои плоды. Оно проложило дорогу избранию Маргарет Тэтчер в Вели-

кобритании и Рональда Рейгана в Соединенных Штатах. Они сумели обуздать левиафана, если не сломить его. Общий объем государственных расходов в США постепенно опустился с 89 % национального дохода в 1982 году до 86 % национального дохода в 2000-м, но это в основном произошло вследствие снижения военных затрат. Невоенные расходы остались приблизительно на том же уровне: 31 % в 1982 году, 30 % в 2000 году.

Общественное мнение получило дополнительный толчок для развития в том же направлении после падения Берлинской стены в 1989 году и распада Советского Союза в 1992-м. Так пришел к драматическому концу семидесятилетний эксперимент – соревнование двух альтернативных способов организации экономики: сверху вниз vs снизу вверх, социализма vs капитализма. Результаты этого эксперимента были предсказаны аналогичными экспериментами меньшего масштаба: Гонконг и Тайвань vs материковый Китай, Западная Германия vs Восточная Германия, Южная Корея vs Северная Корея. Но потребовались драма Берлинской стены и распад СССР, чтобы сделать эти результаты достоянием житейской мудрости, и теперь мало кто сомневается, что централизованное планирование – это действительно «дорога к рабству», как озаглавил свою блистательную полемическую работу 1944 года Фридрих А. Хайек.

То, что справедливо по отношению к Соединенным Штатам и Великобритании, справедливо и относительно других

западных развитых стран. В первые послевоенные десятилетия страна за страной испытывала одно и то же: бурный рост социализма, за которым следовал социализм ползучий или застойный. И во всех этих странах сегодня происходит движение в сторону повышения роли рынка и уменьшения роли государства. На мой взгляд, ситуация отражает значительное отставание практики от общественного мнения. Быстрая социализация в послевоенные десятилетия отражала довоенную тягу общественного мнения к коллективизму; будущая десоциализация отразит позднее воздействие перемен в общественном мнении, вызванных распадом Советского Союза.

Перемены в общественном мнении оказали еще более радикальное влияние на бывшие малоразвитые страны. Это справедливо даже по отношению к Китаю, крупнейшему из государств, официально остающихся коммунистическими. Проведенные Дэном Сяопином в конце 1970-х рыночные реформы, в результате которых сельское хозяйство было фактически приватизировано, существенно повысили производительность и привели к введению дополнительных рыночных элементов в коммунистическую командную систему. Даже ограниченный рост экономической свободы изменил лицо Китая, дав убедительное подтверждение вере в силу свободного рынка. Китаю еще далеко до того, чтобы стать свободным обществом, но нет никаких сомнений, что сегодня жители этой страны живут свободнее и благополучнее,

чем они жили при Мао, – свободнее во всех отношениях, кроме политического. Появились даже первые слабые признаки роста политических свобод, выразившиеся в выборности чиновников во всё большем числе китайских деревень. Китаю еще предстоит долгий путь, но он движется в правильном направлении.

Сразу после Второй мировой войны утвердилась доктрина, что развитие стран третьего мира требует централизованного планирования плюс масштабной иностранной помощи. Отсутствие успешных результатов везде, где только применялась эта формула (как было ясно показано Питером Бауэром и другими исследователями), и невероятный успех рыночно-ориентированной политики восточноазиатских тигров – Гонконга, Сингапура, Тайваня, Южной Кореи – вызвали к жизни совсем иные доктрины развития. На сегодняшний день многие страны в Латинской Америке и в Азии и даже несколько стран в Африке приняли рыночный подход и установку на снижение роли государства. То же самое сделали многие бывшие советские сателлиты. Во всех этих случаях в соответствии с темой книги рост экономической свободы шел рука об руку с ростом политической и гражданской свободы, в результате чего повысилось благосостояние. Оказалось, что конкурентный капитализм и свобода неотделимы друг от друга.

В конце – личная нота. Автору нечасто дается привилегия оценить свою работу спустя 40 лет после ее выхода в свет.

Я очень рад, что мне выдался такой шанс. Я очень доволен тем, что книга выдержала проверку временем и что она не теряет актуальности с точки зрения сегодняшних проблем. Если бы я хотел что-то поправить, так это следующее: я хотел бы заменить дихотомию экономической и политической свободы трихотомией экономической, гражданской и политической свободы. После того как я закончил книгу, пример Гонконга (до передачи его Китаю) убедил меня, что если экономическая свобода – это необходимое условие гражданской и политической свободы, то политическая свобода, сколь ни была бы она желательна сама по себе, не является необходимым условием экономической и гражданской свободы. С этой точки зрения серьезный недостаток этой книги видится мне в неадекватной трактовке политической свободы, которая при одних условиях благоприятствует экономической и гражданской свободе, а при других им препятствует.

Стэнфорд, Калифорния 11 марта 2002 года

Предисловие к изданию 1982 года

Лекции, которые моя жена помогла мне переработать для издания в виде этой книги, были прочитаны четверть века назад. Воссоздать интеллектуальную атмосферу того времени нелегко даже людям, активно участвовавшим в тогдашней жизни, не говоря уже о большей половине ныне живущих, которые в ту пору либо не достигли десятилетнего возраста, либо вообще еще не родились. Те из нас, кто испытывал глубокую тревогу за свободу и экономическое процветание, угрозу которым представляет рост государственных полномочий, идеи государства всеобщего благосостояния и кейнсианские воззрения, являли собой ничтожное загнанное меньшинство и воспринимались большинством собратьев-интеллектуалов как эксцентрики.

Даже спустя семь лет, когда эта книга впервые увидела свет, высказанные в ней взгляды настолько расходились с основным течением тогдашней мысли, что рецензий на нее не появилось ни в одном из главных периодических изданий — ни в *New York Times*, ни в *Herald Tribune* (тогда еще выходившей в Нью-Йорке), ни в *Chicago Tribune*, ни в *Times* или *Newsweek*, ни даже в *Saturday Review*, хотя ее рецензировали лондонский *Economist* и крупнейшие профессиональные журналы. А ведь это была книга, рассчитанная на массовую аудиторию, написанная профессором одного из круп-

нейших американских университетов и разошедшаяся в последующие 18 лет тиражом свыше 400 тысяч экземпляров. Невозможно себе представить, чтобы так же была обойдена молчанием подобная публикация экономиста, который имел бы сходную профессиональную репутацию, но высказывался положительно о государстве всеобщего благосостояния, социализме или коммунизме.

О том, насколько изменился за последние двадцать пять лет интеллектуальный климат, свидетельствует совсем иной прием, оказанный книге «Свобода выбирать», которую я написал вместе с женой; эта книга, опубликованная в 1980 году, была прямой наследницей «Капитализма и свободы» и защищала то же самое мировоззрение. Об этой книге отозвались все крупнейшие периодические издания, причем многие поместили весьма пространственные рецензии и рецензионные статьи. Книга была не только частично перепечатана в Book Digest, но и попала на его обложку. За первый год в США разошлись 400 тысяч экземпляров «Свободы выбирать», она была переведена на двадцать языков, а в начале 1981 года вышла карманным изданием, рассчитанным на массовую аудиторию.

Нам думается, что столь разный прием, оказанный этим двум книгам, нельзя объяснить различием в их качестве. Первая книга имеет более философский, более абстрактный и поэтому более фундаментальный характер. «Свобода выбирать», как мы выразились в предисловии, написана в более

«конкретном, менее теоретическом ключе». Она скорее дополняет, а не отменяет «Капитализм и свободу». На уровне поверхностном разный прием можно отнести на счет телевидения. «Свобода выбирать» была основана на одноименной серии телевизионных передач (компании PBS) и задумана как приложение к ней; не приходится сомневаться, что успех этих телепередач привлек к книге большое внимание.

Это объяснение поверхностно, потому что появление и успех телевизионной программы сами по себе являются знаком перемен в интеллектуальном климате. В 1960-е годы к нам ни разу не обращались с просьбой сделать телепередачу типа «Свободы выбирать». Вряд ли нашлись бы желающие ее финансировать. А если бы случайно такую программу сделали, не нашлось бы сколько-нибудь значительной аудитории, восприимчивой к изложенным в ней взглядам. Нет, иной прием, оказанный второй книге, и успех телепередачи – это общие следствия перемен в общественном настроении. Мысли, высказанные в наших двух книгах, еще не стали частью господствующего мировоззрения, но теперь они по крайней мере сделались уважаемыми в интеллектуальном сообществе и, судя по всему, почти привычными для широкой аудитории.

Эти перемены в общественном настроении не были произведены ни данной книгой, ни многими другими, принадлежащими к той же философской традиции, – такими, как книги Хайека «Дорога к рабству» и «Конституция свобо-

ды» (Constitution of Liberty). В доказательство этого достаточно указать на предложение написать статью для дискуссии «Капитализм, социализм и демократия», разосланное редакцией журнала *Commentary* в 1978 году. В нем есть в числе прочего и такие строки: «Мысль о том, что между капитализмом и демократией, видимо, существует неразрывная взаимосвязь, в последнее время стала казаться правдоподобной многим интеллектуалам, некогда считавшим такой взгляд на вещи не только ошибочным, но даже и политически опасным». Я послал в ответ пространную цитату из «Капитализма и свободы» и более короткую выдержку из Адама Смита, а завершил письмо приглашением: «Добро пожаловать в наши ряды»². Даже в 1978 году из 25 участников дискуссии лишь 9, не считая меня, высказали взгляды, которые можно полагать созвучными основному пафосу «Капитализма и свободы».

Общественное мнение изменилось вследствие опыта, а не теории или философии. Россия и Китай, внушавшие некогда большие надежды интеллектуальным классам, больше не годились на роль идеала. Англия, чей фабианский социализм оказал господствующее влияние на американских интеллектуалов, переживала серьезные неприятности. В наших краях интеллектуалы, всегда бывшие поклонниками расширения государственных полномочий и в подавляющем большинстве своем поддерживавшие на выборах демократиче-

² *Commentary*. 1978. April. P. 29–71.

скую партию, утратили иллюзии из-за Вьетнамской войны и в особенности той роли, какую сыграли в ней президенты Кеннеди и Джонсон. В прах обращались многие программы реформы – такие великие начинания прошлых лет, как пособия для неимущих, государственное и муниципальное жилищное строительство, поддержка профсоюзов, школьная интеграция, федеральная помощь образованию и компенсационная дискриминация. Вместе с остальным населением интеллектуалы почувствовали, как бьют им по карману инфляция и высокие налоги. Именно эти явления, а не убедительность идей, выраженных в книгах, где обсуждались принципы, объясняют переход от сокрушительного поражения Барри Голдуотера в 1964 году к сокрушительной победе Рональда Рейгана в 1980-м (ведь программа и основной пафос были у них, по сути дела, одни и те же).

В чем же тогда роль таких книг, как эта? Она, на мой взгляд, двояка. Во-первых, доставить материал, чтобы было над чем пораскинуть мозгами. Как мы писали в предисловии к «Свободе выбирать», «единственный человек, по-настоящему способный вас убедить, – это вы сами. Вам надо на досуге не спеша поразмыслить над обсуждаемыми вопросами, взвесить разные аргументы, дать им отлежаться и лишь потом, по прошествии многих лет, обратить свои предпочтения в убеждения».

Вторая – и более основательная – роль таких книг заключается в том, чтобы оставить вопрос открытым до тех пор,

пока обстоятельства не вызовут необходимости перемен. В частных и особенно в государственных делах господствует колоссальная инерция, своего рода тирания статус-кво. Только кризис (реальный или воображаемый) вызывает настоящие перемены. Когда происходит кризис, действия, которые будут предприняты, зависят от имеющихся в наличии идей. В этом, как мне кажется, и состоит наша главная роль: разрабатывать альтернативы существующей политике, поддерживать в них жизнь и держать их наготове, пока политически невозможное не сделается политически неизбежным.

Пожалуй, будет понятнее, если я расскажу случай из личного опыта. В конце 1960-х годов я дискутировал с неисправимым коллективистом Леоном Кейсерлингом в Висконсинском университете. Решающий, как ему казалось, удар заключался в том, чтобы высмеять мои взгляды как крайне реакционные, и он предпочел нанести его, зачитав из конца главы II настоящей книги список мер, которые, как я писал, «нельзя, на мой взгляд, оправдать в свете вышеозначенных принципов». Покуда он перебирал мои филиппики в адрес поддержания цен, тарифов и т. д., студенческая аудитория была на его стороне, и так продолжалось, пока он не дошел до пункта 11: «Воинская повинность в мирное время». Мое выступление против воинской повинности вызвало бурные аплодисменты; это стоило ему и аудитории и дискуссии.

Кстати говоря, в моем списке 14 необоснованных правительственных мероприятий воинская повинность была един-

ственным, которое на сегодняшний день элиминировано; да и эту победу нельзя считать окончательной. Что касается остальных пунктов из этого списка, то мы еще больше отделились от принципов, выдвинутых в нашей книге, и в этом заключается, с одной стороны, причина перемен в общественном мнении, а с другой – доказательство того, что эти перемены пока не возымели серьезных практических последствий. Этот же факт свидетельствует о том, что основные положения нашей книги так же актуальны в 1981 году, как в 1962-м, хотя некоторые примеры и детали, наверное, уже устарели.

Предисловие

Эта книга – давно задуманный результат серии лекций, прочитанных в июне 1956 года на конференции в Уобашском университете. Конференцией руководили Джон Ван Сикль и Бенджамин Рогги, а финансировал ее Фонд Волкера. В последующие годы я прочитал аналогичные лекции на Волкеровских конференциях в Клермонтском колледже (организатор Артур Кемп), в Университете Северной Каролины (организатор Кларенс Филбрук) и в Университете штата Оклахома (организатор Ричард Лефтович). В каждом случае я излагал содержание первых двух глав этой книги, посвященных принципиальным вопросам, а затем применял эти принципы к широкому кругу конкретных проблем.

Я признателен организаторам этих конференций не только за то, что они пригласили меня выступить с лекциями, но – в еще большей степени – за высказанную ими критику и замечания, а также за дружеские понукания записать эти лекции хотя бы начерно; кроме того, я благодарен сотрудникам Фонда Волкера Ричарду Корнуэлу, Кеннету Темплтону и Ивану Бирли, чьими стараниями были устроены конференции. Я также в долгу перед их участниками, чьи penetrating замечания, глубокий интерес к рассматриваемым проблемам и неослабный интеллектуальный энтузиазм заставили меня пересмотреть многие положения и исправить

немало ошибок. Эта серия конференций относится к числу наиболее ярких и плодотворных моментов моей интеллектуальной жизни. Нет нужды говорить, что, наверное, ни один из руководителей или участников этих конференций не согласится полностью со всем, что написано в моей книге. Но хочется надеяться, что они не прочь взять на себя часть ответственности за нее.

Высказанными в этой книге теоретическими воззрениями и многими деталями я обязан своим учителям, коллегам и друзьям, и в первую очередь группе выдающихся ученых, с которыми я имел честь сотрудничать в Чикагском университете, – Фрэнку Х. Найту, Генри К. Саймонсу, Ллойд У. Минцу, Аарону Директору, Фридриху А. Хайеку и Джорджу Дж. Стиглеру. Я прошу у них прощения за то, что при изложении не сумел отметить авторства многих принадлежащих им идей. Я многому у них научился, и то, чему я научился, сделалось неотъемлемой частью моего собственного мировоззрения, поэтому я просто не знал, когда было нужно, а когда не нужно делать ссылки.

Я не осмелюсь назвать имена многих, перед кем я в долгу, чтобы не обидеть тех, кого я по случайности пропустил. Но я не могу не упомянуть своих детей, Джанет и Дэвида, чье нежелание принимать что-либо на веру принудило меня изложить специальные проблемы доступным языком и таким образом прояснило и мое собственное понимание и, надеюсь, мое изложение этих проблем. Спешу добавить, что они

также берут на себя часть ответственности, но не расписываются в тождестве взглядов.

Я свободно пользовался уже опубликованными материалами. В главе I переработан материал, напечатанный ранее под тем же названием, что сама книга, в сборнике «Essays in Individuality» (Ed. by Felix Morley. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1958), а затем в переработанном виде, но с тем же самым заглавием в журнале *The New Individualist Review* (Vol. I. № 1 [April 1961]). Глава VI представляет переработку одноименной статьи, впервые напечатанной в сборнике «Economics and the Public Interest» (Ed. by Robert A. Solo. New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 1955). Фрагменты других глав также позаимствованы из разных моих книг и статей.

Рефрен «если бы не моя жена, книга эта не была бы написана» сделался общим местом академических предисловий. Но в моем случае дело обстоит именно так. Она собрала вместе обрывки разных лекций, свела в единое целое различные варианты, перевела лекции на язык, более близкий к литературному английскому, и была главной моей вдохновительницей на всем протяжении работы. Ссылка на ее участие, помещенная на титульном листе, разве что занижает ее роль.

Мой секретарь Мюриэль А. Портер в трудные минуты была для меня надеждой и опорой, и я перед ней в большом долгу. Она перепечатала большую часть рукописи, равно как

и множество ранних вариантов и отрывков.

Посвящается Джанет и Дэвиду и их сверстникам, которым предстоит нести факел свободы на следующем круге

Введение

В своей инаугурационной речи президент Кеннеди сказал слова, которые потом часто цитировались: «Не спрашивайте, что может сделать для вас ваша страна; спрашивайте, что вы можете сделать для своей страны». Поразительным знамением нашего времени сделалось то обстоятельство, что разногласия по поводу этой фразы сосредоточились на ее источнике, а не ее содержании. Ни первая, ни вторая часть этого заявления не выражает отношений между гражданином и государством, которые были бы достойны идеалов свободного человека, живущего в свободном обществе. Покровительственное «что может сделать для вас ваша страна» подразумевает, что государство мыслится в качестве покровителя, а гражданин – опекаемого, хотя такая точка зрения идет вразрез с убеждением свободного человека, что он сам несет ответственность за свою судьбу. Органистическое «что вы можете сделать для своей страны» подразумевает, что государство мыслится как господин или божество, а гражданин – как слуга или прислужник. Для свободного человека страна должна быть совокупностью составляющих ее индивидумов, а не какой-то вышестоящей инстанцией. Свободный человек гордится общим наследием и верен общим традициям. Однако он смотрит на государство как на средство, инструмент, а не как на источник милостей и подарков и не как

на господина или Бога, которому следует слепо поклоняться и которому нужно служить. Свободный человек не признает никакой национальной цели, если она не является консенсусом целей, к которым граждане стремятся по отдельности. Он не признает никакой национальной задачи, если она не является консенсусом задач, которым по отдельности служат граждане.

Свободный человек не будет спрашивать ни о том, что может сделать для него его страна, ни о том, что он сам может сделать для своей страны. Вместо этого он спросит: «Что я и мои соотечественники можем сделать с помощью государства» для того, чтобы нам легче было выполнять свои индивидуальные обязанности, добиваться своих отдельных целей и прежде всего защищать нашу свободу? Помимо этого вопроса, он задаст и другой: «Как мы воспрепятствуем тому, чтобы созданное нами государство сделалось Франкенштейновым монстром и погубило ту самую свободу, которую мы поставили его охранять?» Свобода – это редкое и хрупкое растение. Разум говорит нам, а история подтверждает, что главную угрозу свободе представляет концентрация власти. Государство необходимо для сохранения нашей свободы, и оно же является инструментом, посредством которого мы можем пользоваться этой свободой, но, тем не менее, когда власть концентрируется в руках политиков, она превращается в угрозу нашей свободе. Даже если те, в чьи руки первоначально перешла власть, будут людьми доброй воли и

даже если эта власть их не развратит, позже она и привлечет, и вырастит людей совсем иной породы.

Как мы можем использовать потенциал государства, избегнув в то же время опасности, грозящей свободе? Два общих принципа, воплощенных в нашей Конституции, заключают в себе ответ, защищавший до сих пор нашу свободу, хотя, будучи возведена в закон, она неоднократно нарушалась на практике.

Прежде всего должны быть ограничены полномочия государства. Главная его функция должна состоять в том, чтобы защищать нашу свободу как от окружающих недругов, так и от наших сограждан: поддерживать закон и порядок, обеспечивать выполнение договоров между частными лицами и поощрять рыночную конкуренцию. Помимо своей главной функции, государство может время от времени помогать нам совместно совершать то, что нам труднее или дороже совершить по отдельности.

Однако всякое такого рода использование государства чревато угрозой. Избегать подобного использования государства у нас нет ни нужды, ни возможности. Но перед тем как это сделать, следует убедиться, что получаемые преимущества очевидны и велики. Опираясь главным образом на добровольное сотрудничество и частную инициативу (как в экономике, так и в иных видах деятельности), мы сможем добиться того, чтобы частный сектор служил противовесом сектору государственному и надежно охранял свободу сло-

ва, вероисповедания и мысли.

Второй общий принцип состоит в том, что государственную власть следует рассредоточить. Если уж наделять правительство властью, то лучше, чтобы оно пользовалось ею в графстве, а не в штате, и лучше, чтобы в штате, а не в Вашингтоне. Если мне не по душе то, что делают местные власти, будь то канализация, зонирование или школьное образование, я могу переехать в другое место, и хотя на такой шаг решаются немногие, сама возможность служит средством ограничения власти. Если мне не по душе то, что делает мой штат, я волен перебраться в другой. Но если мне не по душе то, что навязывает мне Вашингтон, в нашем мире ревниво оберегающих себя наций вариантов у меня мало.

Разумеется, именно тот факт, что уклониться от распоряжений федерального правительства не так уж легко, делает централизацию столь привлекательной для многих ее сторонников. Они полагают, что она позволит им успешней проводить программы, которые, по их мнению, служат общественному благу, будь то перераспределение доходов в пользу бедных за счет богатых или в пользу государственных нужд за счет частных. В каком-то смысле они правы. Но у этой медали две стороны. Тот, кто имеет власть, чтобы делать добро, одновременно получает возможность творить зло; сегодня власть принадлежит одним, а завтра, возможно, – другим; еще важнее тот факт, что то, в чем один видит

благо, другой усматривает зло. Великая трагедия погони за централизацией, равно как и погони за расширением государственных полномочий, заключается в том, что начинают ее по большей части люди доброй воли, которые сами же будут первыми скорбеть о ее последствиях.

Защита свободы от посягательств есть, так сказать, охранительная причина для ограничения и децентрализации государственной власти. Но есть и конструктивная причина. Величайшие достижения цивилизации в какой бы то ни было области – живописи или архитектуры, науки или литературы, промышленности или сельского хозяйства – никогда не проистекают от центрального правительства. Колумб отправился искать новую дорогу в Китай не по указу парламентского большинства, хотя его частично финансировал абсолютный монарх. Ньютон и Лейбниц, Эйнштейн и Бор, Шекспир, Мильтон и Пастернак, Уитни, Маккормик, Эдисон и Форд, Джейн Адамс, Флоренс Найтингейл и Альберт Швейцер – все они открыли новые рубежи в человеческом знании, в литературе, в технике или в деле облегчения людских страданий не по указу правительства. Их свершения были произведением их собственного гения, твердых убеждений меньшинства и общественной атмосферы, дающей простор разнообразию и своеобразию.

Государство никогда не сможет потягаться своеобразием и многообразием с действиями отдельного индивида. Предписав единые нормы обеспечения жильем, питанием или

одеждой, государство, без сомнения, может повысить уровень жизни множества людей; установив единые нормы в области образования, дорожного строительства или канализации и водоснабжения, центральное правительство, безусловно, способно поднять уровень обслуживания на местах, а то и в среднем по всей стране. Но в ходе этого на смену прогрессу придет стагнация; единообразной посредственностью государство заменит своеобразие, необходимое для того экспериментирования, которое может поставить завтрашних отстающих выше сегодняшних середнячков.

Часть этих фундаментальных проблем рассматривается в настоящей книге. Ее главная тема – роль капитализма свободной конкуренции (то есть организации большей части экономической

деятельности в рамках частного предпринимательства, действующего на свободном рынке) как системы экономической свободы и необходимого условия для свободы политической. Сопутствующая тема книги – это роль, которую следует отвести государству в обществе, приверженном свободе и опирающемся преимущественно на рынок при организации экономической деятельности.

В двух начальных главах эти вопросы разбираются на абстрактном уровне – в принципе, а не в своем практическом применении. В последующих главах эти принципы прилагаются к целому ряду конкретных проблем.

Абстрактная формулировка вполне может быть полной и исчерпывающей, хотя в двух последующих главах этого идеала достигнуть не удастся. Но вот вопрос о приложимости соответствующих принципов нельзя рассмотреть исчерпывающе даже в теории. Каждый день приносит с собой новые проблемы и новые обстоятельства. Вот почему роль государства невозможно раз и навсегда предопределить в плане его конкретных функций. А потому нам следует время от времени пересматривать вопрос о том, как неизменные, по нашему разумению, принципы соотносятся с проблемами текущего дня. Побочным продуктом такого пересмотра неизбежно станет перепроверка и углубление нашего понимания этих принципов.

Излагаемые в этой книге политические и экономические воззрения было бы весьма удобно обозначить каким-то ярлыком. Самым правомерным и подходящим обозначением будет «либерализм». К несчастью, «в качестве высшего, хотя и непреднамеренного комплимента недруги системы частного предпринимательства сочли благоразумным экспроприировать ее обозначение»³, поэтому в США либерализм приобрел совсем не тот смысл, в каком его понимали в XIX веке или в каком его понимают ныне в большинстве стран европейского континента.

Развившееся в конце XVIII – начале XIX века интеллек-

³ *Schumpeter J.* History of Economic Analysis. New York: Oxford University Press, 1954. P 394.

туальное движение, носившее название либерализма, делало упор на свободу как на конечную цель и на индивида как на конечную единицу общества. Внутри страны оно поддерживало свободную конкуренцию как средство ослабления роли государства в экономической сфере и соответственно усиления роли индивида; за границей оно выступало за свободу торговли как средство мирного и демократического соединения стран нашей планеты. В области политической оно поддерживало развитие представительного правления и парламентских институтов, ограничение государственного произвола и защиту гражданских свобод индивида.

С конца XIX века, и особенно после 1980-х годов в США, термин «либерализм» приобрел совершенно иной акцент, особенно в сфере экономической политики. Он стал отождествляться со стремлением полагаться для достижения исковых целей не на добровольные частные соглашения, а на государство. Лозунгом либерализма стала не свобода, а благосостояние и равенство. Либерал XIX века считал наиболее действенным средством повышения благосостояния и достижения равенства расширение свободы; либерал XX века считает благосостояние и равенство предварительными условиями свободы или ее альтернативами. Во имя благосостояния и равенства либерал XX века стал выступать за возрождение курса на государственное вмешательство и патернализм, против которого боролся классический либерализм. Поворачивая стрелки часов назад, к меркантилизму

XVII века, он обожает попутно клеймить подлинных либералов реакционерами!

Изменение смысла, вкладываемого в понятие «либерализм», в экономической сфере более разительно, чем в политической. Либерал XX века, точно так же как и либерал XIX века, выступает за парламентские учреждения, представительное правление, гражданские права и т. п. Однако даже в политических вопросах наблюдается заметная разница. Будучи ревнителем свободы и потому глядя с опаской на централизацию власти хоть в правительственных, хоть в частных руках, либерал XIX века предпочитал политическую децентрализацию. Либерал XX века жаждет действия и верит в благость власти, пока она находится в руках правительства, контролируемого в теории избирателями, поэтому он выступает за централизованное правление. Раздумывая, где сосредоточить власть, он предпочтет штат городу, федеральное правительство – штату, а всемирную организацию – национальному правительству.

В связи с извращением термина «либерализм» мировоззрение, которое раньше носило это название, сегодня нередко обозначают словом «консерватизм». Но это малоприспособленная альтернатива. Либерал XIX века был радикалом как в этимологическом смысле (он всегда хотел дойти до самой сути), так и в политическом: он выступал за кардинальное изменение общественных институтов. Таков должен быть и его современный наследник. Мы не желаем консервировать

государственное вмешательство, которое так ущемляет нашу свободу, хотя, разумеется, мы готовы сохранить те формы этого вмешательства, которые ей благоприятствуют. Кроме того, на практике термин «консерватизм» стал применяться к широкому кругу взглядов, которые до такой степени несовместимы друг с другом, что еще на наших глазах, несомненно, появятся составные обозначения вроде «либерально-консервативный» или «консервативно-аристократический».

Отчасти из нежелания отдавать этот термин приверженцам мер, которые уничтожат свободу, отчасти по неумению отыскать подходящую альтернативу я разрешу эти затруднения, употребляя слово «либерализм» в его первоначальном смысле, а именно в значении системы взглядов свободного человека.

Глава I

Взаимосвязь между экономической и политической свободой

Широко распространено мнение, что политика и экономика – вещи разные и между собой почти не связанные, что личная свобода – это вопрос политический, а материальное благополучие – экономический и что любое политическое устройство можно совместить с любым экономическим. Главными современными выразителями этого представления являются многочисленные проповедники «демократического социализма», безусловно осуждающие ограничения на личную свободу, навязываемые «тоталитарным социализмом» в России, но убежденные, что страна может взять на вооружение основные черты тамошнего экономического строя и тем не менее обеспечить личные свободы благодаря устройству политическому. Основной тезис данной главы заключается в том, что такое мнение ошибочно, что между экономикой и политикой существует тесная взаимосвязь, что возможны лишь определенные комбинации политического и экономического устройства общества и что, в частности, социалистическое общество не может одновре-

менно быть демократическим (в том смысле, что оно не может гарантировать личных свобод).

Экономическое устройство играет двоякую роль в развитии свободного общества. С одной стороны, свобода экономических отношений сама по себе есть составная часть свободы в широком смысле, поэтому экономическая свобода является самоцелью. С другой стороны, экономическая свобода – это необходимое средство к достижению свободы политической.

Первую из двух перечисленных ролей экономической свободы следует подчеркнуть особо, поскольку интеллектуалы не склонны придавать этому аспекту свободы большое значение. Как правило, они презрительно относятся к тому, что представляется им материальной стороной жизни, и рассматривают свое собственное стремление к якобы более высоким ценностям как куда более значительное и заслуживающее особого внимания обстоятельство. Однако если не для интеллектуалов, то для большинства граждан страны непосредственная важность экономической свободы по меньшей мере сравнима по своей значимости с косвенной важностью экономической свободы как средства к достижению свободы политической.

Английский гражданин, который после Второй мировой войны не имел возможности провести отпуск в США из-за валютных ограничений, был лишен одного из основных видов свободы не в меньшей степени, чем американский граж-

данин, которого не пускали провести отпуск в России из-за его политических воззрений. На первый взгляд в одном случае речь шла об экономическом ограничении свободы, а в другом – о политическом, однако существенной разницы между ними нет.

Гражданин США, которого закон обязывает выделять, скажем, 10 % своего дохода на покупку определенного пенсионного контракта, находящегося под государственным контролем, тем самым лишается соответствующей части своей личной свободы. Насколько ощутимым может быть такое ограничение и насколько близко оно к ограничению религиозной свободы, которую все сочтут свободой «гражданской» или «политической», а не «экономической», нашло яркое выражение в одном эпизоде, затрагивавшем группу фермеров из секты амишей. Исходя из своих принципов, эта секта рассматривала обязательные федеральные пенсионные программы как нарушение своей индивидуальной свободы, а потому отказывалась платить налоги и принимать выплаты по социальному обеспечению. В результате часть принадлежавшего ей скота была продана с аукциона для покрытия причитавшихся с нее взносов на социальное обеспечение. Конечно, число граждан, рассматривающих обязательное пенсионное обеспечение как ущемление свободы, по-видимому, невелико, но ревнители свободы никогда не исходили из большинства голосов.

Гражданин США, который по законам разных штатов не

имеет права трудиться на избранном им поприще, если он не получит лицензию на этот вид деятельности, точно так же лишается существенной доли своей свободы. То же самое можно сказать о человеке, который желает выменять на какие-то свои товары, к примеру, часы у швейцарца, но не может этого сделать из-за квоты. То же самое можно сказать о калифорнийце, угодившем в тюрьму в соответствии с так называемыми «законами о справедливой торговле» (fair trade laws) за то, что продавал противопохмельное средство «Алка-Зельтцер» по цене ниже той, которую установил производитель. То же самое можно сказать и о фермере, который не может выращивать столько пшеницы, сколько захочет. И так далее. Совершенно очевидно, что экономическая свобода сама по себе является исключительно важным компонентом общей свободы.

Если смотреть на экономическое устройство как на средство достижения политической свободы, оно получает особую значимость из-за своего влияния на концентрацию и рассредоточение власти. Экономическая организация, непосредственно обеспечивающая экономическую свободу, а именно капитализм свободной конкуренции, способствует и развитию политической свободы, ибо отделяет экономическую власть от политической и, таким образом, превращает первую в противовес второй.

Исторические свидетельства в один голос говорят о связи между политической свободой и свободным рынком. Мне не

известно ни одного примера существовавшего когда-либо и где-либо общества, которое отличалось бы большой степенью политической свободы и в то же время не пользовалось бы для организации значительной части экономической деятельности неким подобием свободного рынка.

Поскольку мы живем в преимущественно свободном обществе, то мы склонны забывать, насколько краток был промежуток времени и мала та часть земного шара, где и когда существовала хоть какая-то форма политической свободы: обычное состояние человечества – это тирания, рабство и страдания. Западный мир XIX и начала XX века представляет собой разительное исключение из общей тенденции исторического развития. В данном случае политическая свобода, несомненно, пришла вместе со свободным рынком и с развитием капиталистических учреждений. Таковы же истоки политической свободы в греческом золотом веке и в начальную пору римской эпохи.

История лишь наводит на мысль о том, что капитализм есть необходимое условие политической свободы. Очевидно, это условие недостаточное. Фашистскую Италию и Испанию, Германию в разные периоды за последние 70 лет, Японию перед Первой и Второй мировыми войнами и царскую Россию нескольких десятилетий до Первой мировой войны нельзя даже с натяжкой охарактеризовать как политически свободные страны. А ведь в каждой из них господствующей формой экономической организации было частное предпри-

нимательство. Ясно поэтому, что можно иметь капиталистическое в своей основе экономическое устройство и в то же время несвободное устройство политическое.

Но даже в перечисленных странах граждане обладали куда большей свободой, чем граждане современного тоталитарного государства, вроде России и нацистской Германии, в которых экономический тоталитаризм сочетается с политическим. Даже в царской России некоторые граждане могли при определенных обстоятельствах поменять место работы без разрешения политических властей, потому что капитализм и наличие частной собственности служили известным противовесом централизованной власти государства.

Взаимоотношения между политической и экономической свободой сложны и никоим образом не односторонни. В начале XIX века Бентам и философские радикалы были склонны рассматривать политическую свободу как средство достижения свободы экономической. По их мнению, массам мешают налагаемые на них ограничения, и если политические реформы предоставят избирательное право большинству населения, люди выберут то, что для них лучше, то есть проголосуют за свободную конкуренцию. Задним числом нельзя сказать, что они были не правы. Были проведены значительные политические реформы, за которыми последовали реформы экономические, направленные в сторону большей свободы предпринимательства (*laissez faire*). Результатом таких изменений в экономическом устройстве об-

щества стало огромное повышение благосостояния масс.

За торжеством бентамовского либерализма в Англии XIX века последовала реакция в виде усиления государственного вмешательства в экономическую сферу. В Англии, как и в других странах, эта тенденция к коллективизму резко усилилась из-за двух мировых войн. Господствующей заботой в демократических странах сделалось благосостояние, а не свобода. Распознав таящуюся здесь угрозу индивидуализму, интеллектуальные наследники философских радикалов – назовем только Дайси, Мизеса, Хайека и Саймонса – высказали опасения, что непрерывное движение к централизованному контролю над экономической деятельностью окажется «Дорогой к рабству» (так озаглавлена книга Хайека, где проведен проницательный анализ этого процесса). В экономической свободе они видели прежде всего средство достижения свободы политической.

События периода после Второй мировой войны обнаруживают и другое соотношение между экономической и политической свободой. Коллективистское экономическое планирование действительно ущемило индивидуальную свободу. Однако по меньшей мере в части стран это в результате привело не к подавлению свободы, а к коренному повороту в экономической политике. Наиболее разительный пример снова дает Англия.

Переломным пунктом явился, по-видимому, указ о «контроле над занятиями» (control of engagements), который лей-

бористская партия, невзирая на высказывавшиеся опасения, сочла необходимым издать для осуществления своей экономической политики. Этот закон, если бы он был в полной мере проведен в жизнь и его прилежно исполняли, привел бы к централизованному распределению людей по роду занятий. Это до такой степени шло вразрез с личной свободой, что новый закон соблюдался в ничтожном меньшинстве случаев и продержался совсем недолго. Отмена его привела к решительным переменам в экономической политике, характеризующимся меньшим доверием к централизованным «планам» и «программам», снятием многих ограничений и большей опорой на частный рынок. Подобные политические сдвиги произошли в большинстве демократических стран.

Эти политические сдвиги объясняются прежде всего тем, что централизованное планирование имело ограниченный успех, а то и вовсе не достигло желанных целей. Однако сама эта неудача может быть – по крайней мере, до определенной степени – отнесена на счет политических последствий централизованного планирования и нежелания довести его до логического завершения, когда возникает необходимость переступить через высокоценимые права личности. Вполне возможно, что этот сдвиг – лишь временная пауза в коллективистской тенденции нашего столетия. Даже если это так, он иллюстрирует тесную взаимозависимость между политической свободой и экономическим устройством.

Исторический опыт сам по себе никогда не бывает убе-

дителен. Возможно, расширение свободы лишь по чистому совпадению произошло одновременно с развитием капитала и рыночных институтов. Почему между ними непременно должна быть взаимосвязь? Каковы логические связи между экономической и политической свободой? Рассматривая эти вопросы, мы сперва обсудим рынок как непосредственный компонент свободы, а затем – опосредованную взаимозависимость между рыночными отношениями и политической свободой. Побочным продуктом анализа станет эскиз идеального экономического устройства свободного общества.

Как либералы, при оценке социальных институтов мы исходим из свободы индивида, или, может быть, семьи как нашей конечной цели. В этом смысле свобода обретает ценность только в отношениях между людьми: для Робинзона Крузо, сидящего на пустынном острове без Пятницы, она лишена всякого смысла. На своем острове Робинзон Крузо испытывает «ограничения»; «власть» его ограничена, как ограничен круг имеющихся у него альтернатив; однако в том смысле, в котором мы ее рассматриваем, проблема свободы перед ним не стоит. Точно так же в обществе наличие свободы ничего не говорит о том, что индивид делает со своей свободой; это не всеобъемлющая этика. Действительно, одна из главных целей либерала состоит в том, чтобы оставить этическую проблему индивиду: пусть он сам ломает над ней голову. «По-настоящему» важные этические проблемы – это те, что стоят перед индивидом в свободном обществе:

что ему делать со своей свободой? Таким образом, либерал выделяет два набора ценностей: ценности, касающиеся отношений между людьми, — контекст, в котором он отдает приоритет свободе, — и ценности, необходимые индивиду для того, чтобы воспользоваться своей свободой, — а это область индивидуальной этики и философии.

Либерал считает, что люди несовершенны. Для него проблема социальной организации является в такой же степени негативной проблемой удержания «плохих» людей от причинения зла, в какой она является проблемой помощи «хорошим» людям в совершении добра; разумеется, «плохими» и «хорошими» могут быть одни и те же люди: всё зависит от того, кто о них судит.

Главная проблема социальной организации состоит в том, как скоординировать экономическую деятельность большого числа людей. Даже в относительно отсталых обществах для адекватного использования наличных ресурсов необходимы разделение труда и специализация функций. В обществах высокоразвитых уровень координации, потребной для всемерного использования возможностей, предлагаемых современной наукой и техникой, неизмеримо выше. Буквально миллионы людей заняты тем, что ежедневно доставляют друг другу хлеб насущный, не говоря уже о ежегодно меняемых автомобилях. Поборник свободы стоит перед нелегкой задачей: как совместить эту всеобщую взаимозависимость с индивидуальной свободой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.